

III. «Мифософия», или СОДЕРЖАНИЕ МИФА

...sein ganz natürlich Ebenbild.

J. W. v. Goethe, Faust, I, 5

...и полным сходством поражён.

Пер. Н. Холодковского

III.1. Иррационализм

Важнее. *Все необъяснённое и тёмное кажется важнее объяснённого и светлого.*

Ф. Ницше. Человеческое, слишком человеческое, 532.

Онтологическую основу построений А. Розенберга мы уже называли. Это учение А. Шопенгауэра о беспредметной и беспричинной воле, направленной на заведомое ничто. Как таковая, она недоступна разуму и может только переживаться. Поэтому причины общественно-исторических фактов вообще подлежат не разумному объяснению, а лишь «вживанию» и мистическому истолкованию.

III.1.1. Л. Н. Гумилёв и русский космизм

У Л. Н. Гумилёва же онтологическая основа — космизм. Обычно говорят о *русском* космизме, хотя это верно только отчасти. Это весьма почтенная философская традиция, у истоков которой стояли ещё досократики с их «фисикофилософией» и Платон — по крайней мере, его картина космоса в «*Тимее*». Явные их продолжатели — мистики и пантеисты, включая ибн-Сину, Парацельса, Спинозу. Основные принципы космизма отчётливо прослеживаются в философии И.-В. Гёте.

Принципы эти вкратце таковы. Мироздание (Космос) — это единая, высшая, всеобъемлющая система. Живое и неживое, дух и материя — составные части этой системы. Космос может правильно функционировать лишь при условии гармонии всех своих частей, т. е. их правильного соотношения и взаимодействия. Эта гармония и есть высшее благо, и в то же время — истина и красота. Человек как мозг Космоса, его самая разумная и ответственная часть, более всего способен как поддерживать мировую гармонию, так и нарушать её. Отсюда особая ответственность человека — и перед собой, и перед всем, что есть в мире. Поддержание мировой гармонии, её устойчивость во всё более сложных условиях и есть миссия человечества.

В России космизм стал едва ли не господствующим настроением Серебряного века. Достаточно назвать имена Вл. С. Соловьёва, К. Э. Циолковского, Н. К. Рериха, Д. Л. Андреева, А. А. Богданова, А. Л. Чижевского, Е. П. Блаватскую и особенно В. И. Вернадского, автора учения о биосфере, к идеям которого Л. Н. Гумилёв обращается чаще всего. Как видим, набор имён очень пёстрый, от крупных учёных до мистиков. Однако космизм (именно потому, что Космос для него — целост-

ная система) совместим с любой монистической философией, рассматривающей мир именно как систему и исследующей системные закономерности, в том числе и с марксизмом. Ведь и философия Маркса исходит из того, что «мир един и материален». Поэтому космизм пережил 1917 год и продолжал существовать и в СССР. Правда, не как оформленная идеология, а как более или менее осознанное течение среди части научных работников и как бессознательный фон — в психологии более широких слоёв советского народа. Возможно, именно этот фон придал советскому марксизму своеобразие. Во всяком случае, немалая его заслуга есть в советском прорыве в космос — как и в гордости всего народа за этот прорыв. Не менее характерно, что лучший художественный образ коммунистического будущего создал учёный и философ-космист И. А. Ефремов, у которого даже в фантастических романах (например, в «*Часе Быка*») герои порой прямо ссылаются на В. И. Вернадского — чаще, чем на Маркса. В этом и заключается ответ на вопрос А. Л. Янова (1992: 105), «как увязывалась в его [Гумилёва] сознании близость к евразийцам с верностью “историческому материализму”».

Однако посмотрим, как использует эти идеи Л. Н. Гумилёв. Перечисляя источники энергии, питающей биосферу, он особо выделяет

«...третий вид энергии, который мы получаем небольшими порциями из космоса, — это пучки энергии, приходящие из Солнечной системы, иногда пробивающие атмосферу, достигающие дневной поверхности планеты и ударяющие нашу Землю, как, скажем, ударяют плёткой шарик, обхватывая какую-то часть её, молниеносно производят своё энергетическое воздействие на биосферу, иногда большое, иногда малое <...>. Этот последний вид космической энергии стал исследоваться совсем недавно, и поэтому те учёные, которые привыкли представлять Землю как совершенно замкнутую систему, не могут привыкнуть к тому, что мы живём не оторванными от всего мира, а внутри огромной Галактики, которая тоже воздействует на нас, как и все другие факторы, определяющие развитие биосферы» (Гумилёв 1990: 23—24).

Действительно, было бы наивно представлять Землю замкнутой системой, но дело не в этом. А в том, что космические факторы, влияющие на биосферу, до сих пор мало изучены, а источников своих «пучков энергии» и сам Гумилёв не называет. В «*Географии этноса в исторический период*» это вроде бы солнечная активность, но в «*Этногенезе и биосфере Земли*» излучение приходит из глубин Галактики, когда спад солнечной активности снижает защитные свойства земной ионосферы (Гумилёв 1997: 578). Мы не можем не только определить их природу или измерить интенсивность, но и предвидеть их ритмичность (как научились ещё в древности предвидеть затмения). Но ведь именно они запускают лавину этногенеза, как изображает её Гумилёв. В таких условиях ссылка на эти космические пучки — не более чем ссылка на неведомую причину, *argumentum ad ignorantiam*. Независимо от того, существуют ли эти ритмичные «удары плетью по земному шару» в реальности или только в концепции автора, действуют ли они на людей так, как будет дальше описано, или как-либо иначе, — глубинная причина социально-исторического процесса и здесь оказывается иррациональной.

Правда, в одном случае Л. Н. Гумилёв всё же пытается построить график ответственности между колебаниями солнечной активности и пассионарными толчками. Но если всё дело в этом, то пассионарные толчки должны происходить либо только на пике, либо только на спаде солнечной активности — смотря какое из двух объяс-

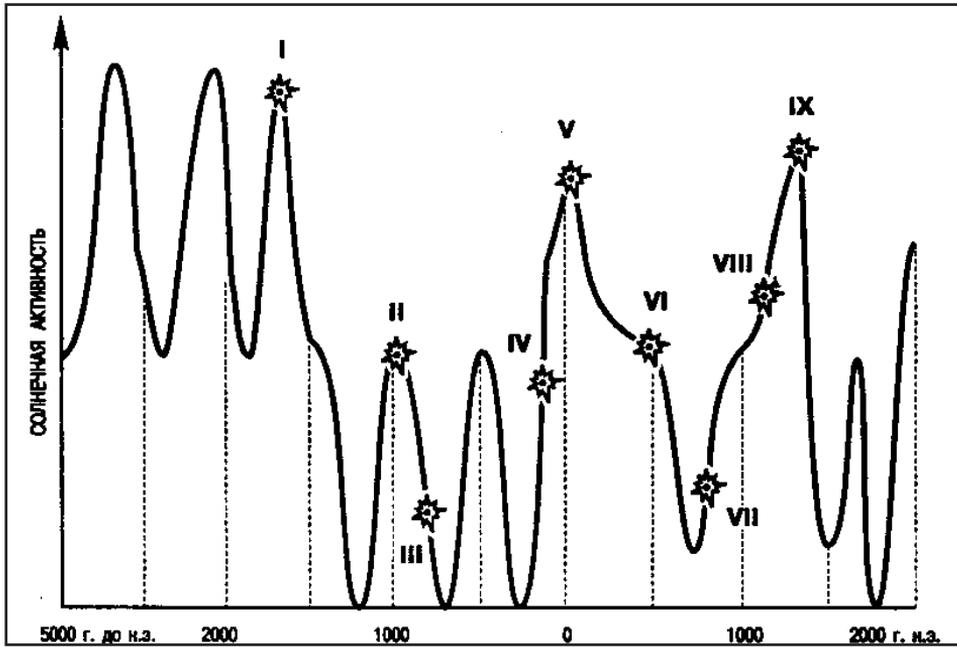

График соответствия между «пассионарными толчками» (звездообразные знаки) и циклом солнечной активности по Л. Н. Гумилёву.

нений их источника принять. На графике же видно, что они приходятся на *разные* фазы этого цикла — стало быть, прямо с ним не связаны. А другие космические циклы известны нам гораздо хуже.

Однако иррационализм обоих авторов всё же разного рода. У Розенберга он — откровенно мистический (Rosenberg 1934: 117—118; см. I.7.2). У Гумилёва же иная картина — естественнонаучный фатализм. В основе социальных явлений, по Гумилёву, лежат биосферные процессы — естественные, но неосознаваемые, а значит, влияющие на поведение человека сильнее, чем его сознательная воля. В центре внимания этого автора — этногенез, понимаемый не как теория *происхождения народов* (как следовало бы из буквального значения термина: ἔθνος ‘племя, народность’ + γένεσις ‘происхождение, рождение, становление, первоначало’), а как теория, охватывающая *всю* судьбу этноса, от зарождения до гибели. И не раз подчёркивается, что этногенез — феномен природы, в отличие от культуры (Гумилёв 1990: 112). Так, «уровень нравственности этноса — такое же явление природного процесса этногенеза, как и хищническое истребление живой природы» (Гумилёв 1990: 205). Или:

«Итак, феномен химерной империи не похож ни на древность, ни на соседей, ни на что. Индивидуальность таких процессов определяется местными условиями, местной этнографией, местной географией, т. е. это — явление природное, а не социальное» (Гумилёв 1990: 81).

Естественный вывод: «Закономерности этногенеза, как и всякого природного явления, неумолимы» (Гумилёв 1992: 395). В таком случае ссылка на природу может пониматься лишь как «Неумолимый Закон Исторической Неизбежности» — по вы-

ражению К. Р. Поппера (посвящение к его «*Ницете историцизма*»). На таких законах обычно основана претензия автора на роль пророка бедствий, «которые нельзя полностью предотвратить, но уберечься от которых можно» (Гумилёв 1990: 6).

III.1.2. О. Шпенглер и его «гётевский метод»

Иррациональность законов культурной эволюции очень заметна у О. Шпенглера. Не раз он подчёркивает, что культуры доступны не рациональному объяснению, а лишь интуитивному пониманию. В основе их лежат «прафеномены» (термин, взятый из натурфилософии Гёте), выделенные чисто интуитивно. Так, мы должны поверить автору на слово, что у античной культуры душа «аполлоновская», у византийской и арабской — «мистическая» (более того, что мистика характерна для этой культуры более, чем для всех прочих), а у европейской — «фаустовская».

Однако Шпенглер попал в ловушку, часто подстерегающую эпигонов. Преклоняясь перед Великим Веймарцем, он взял из его учения как раз самые слабые и даже ошибочные стороны. Дж. Холтон, описывая модельный каркас антинауки, замечает: «Он приложим к Гётевскому антиньютонианству и к визионерской “физике” У. Блейка...» (Холтон 1992: 53). Действительно, И. В. Гёте вторгся в физику не только как философ, но и как биолог, «опровергнув» ньютоновскую оптику лишь одним неудачно поставленным опытом (в котором ему не удалось разложить белый свет на спектр). Как выяснилось позднее, обнаруженные им факты хотя и реальны, но относятся не к физике света, а к физиологии зрения — там и пригодились его идеи. Тем не менее, Гёте больше всего настаивал именно на своей ошибочной теории (на истинных теориях настаивать незачем — их можно доказать). И.-П. Эккерман, секретарь Гёте в последние годы его жизни, отмечает:

«Я не похваляюсь тем, что я сделал как поэт, — часто говаривал Гёте, — превосходнейшие поэты жила одновременно со мной, ещё лучшие жили до меня и будут жить после. Но то, что в наш век в многотрудной науке, занимающейся проблемами цвета, мне одному известна истина, это преисполняет меня гордости и сознания превосходства над многими» (Эккерман 1981 {1836}, запись от 19 февраля 1829).

Итак, он видел свою главную заслугу именно в учении о цвете, а не в своих реальных естественнонаучных достижениях и даже не в «*Фаусте*». Между тем его подлинные заслуги перед наукой и без того велики. Достаточно одного лишь открытия межчелюстной кости у человека (её отсутствие считалось главным аргументом против происхождения человека от животных), достаточно того, что для этого открытия понадобилось разработать метод типологических рядов, позже ставший одной из основ археологии (ср.: Клейн 1991: 35, 62—63).

Безусловно, Гёте не был лжеучёным, тем более — по меркам своего времени. Но его пример — пример «Олимпийца», способного сказать последнее слово в любой сфере, — вдохновил многих, у кого амбиций было гораздо больше, чем у Гёте, а заслуг — несравненно меньше. Кроме того, Гёте подошёл к незнакомой сфере не как мистик («магия» в его «*Фаусте*» — едва ли не внешняя форма), а как естествоиспытатель-рационалист, публично признававший себя сторонником философии Б. Спинозы, и даже как поэт и «мудрец-естествоиспытатель», оперирующий синтезом, а не анализом (Вернадский 1946), к тому же он обладал энциклопедическими знаниями. Дилетантам же, прикрывавшимся его примером, приходилось признавать непонятные для них вещи *иррациональными* и заклинать природу и чи-